в его художественной системе не являются самыми характерными, и он их просто не замечает. Зато сюжетная сторона отразилась в его памяти с большой точностью. Однако и здесь произошло значительное переосмысление. «События», опорные пункты сюжета представляют в системе Карамзина вехи в развитии внутренней жизни героев и именно этим значительны. Основная жизнь — жизнь сердца, и «внешние» поступки важны как выражения, знаки этой жизни, позволяющие проникнуть в нее самое. В пересказе все действие расценивается иначе: это рассказ страшный и занимательный («по коже подирает»), причем страшное — одна из главных форм занимательного, а занимательность — основной признак, отличающий художественное сообщение от обычного.

Включаясь в иную систему, элементы сюжета «Бедной Лизы» подвергаются переосмыслению. Остановимся на таком элементе сюжета, как гибель героини. В системе Карамзина — это эпизод трагический, он является показателем того, что нарушен некий более справедливый порядок. Трагический конец — альтернатива благополучному, который мог бы наступить при ином поведении героя. Этот благополучный конец составляет то нереализуемое читательское желание и ожидание, на фоне которого гибель героини предстает как зло, трагическое нарушение, неправильность, а Эраст — как виновник этого зла.

Художественная структура «пересказа» подчиняется иным законам. Любовная история («Это, брат, *любовь*!») может оканчиваться в этой эстетической системе только смертью. Смерть — атрибут любви, и чувство, которое не увенчивается смертью, не может быть признано любовью. Поэтому у любовного сюжета окончание может быть только одним вне какой-либо альтернативы. Сам факт смерти героини получает иное значение: он неизбежен. Могут варьироваться и, следовательно, нагружаться значением лишь обстоятельства ее гибели. Смертельный исход не рассматривается как зло, поскольку, с одной стороны, представление о ценности индивидуального человека чуждо сознанию «мастерового», а, с другой, смерть — это признак силы чувства, свидетельство того, что перед нами — «любовь», а «любовь» относится к разряду положительных ценностей. Поэтому «ужасная» и «жалостная» гибель героини (или героя) не воспринимается аудиторией как то, чего надо избегнуть, чтобы повествование можно было бы определить как счастливо оканчивающееся. Категории счастливого и трагического конца к этой системе не применимы, так как она не знает еще такого дифференциального признака. Одновременно с героя снимается «вина» (вместе с утратой социально-психологического дидактизма). Показательно, что очень точно пересказывающий сюжет «мастеровой» в этом месте допускает неточность — свидетельство того, что эти — существенные для Карамзина — детали для него лишены значения.